

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2017. № 1

Редакционная коллегия

Н. М. Беляева (отв. секретарь), Н. В. Борисова, П. В. Панов,
К. А. Сулимов, Л. А. Фадеева (гл. редактор)

Редакционный совет

Акаха Тсунео, д. ф. н., профессор, директор Центра Восточно-азиатских исследований,
Институт международных исследований (Монтерей, США)

Бусыгина Ирина Марковна, д. п. н., профессор, Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД РФ.

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада).

Малинова Ольга Юрьевна, д. ф. н., профессор, Институт научной информации по об-
щественным наукам РАН.

Морозова Елена Васильевна, д. ф. н., профессор, Кубанский государственный университет.

Мацузато Кимитака, д. ю. н., профессор, Центр славянских исследований университета
Хоккайдо (Япония).

Подвинцев Олег Борисович, д. п. н., профессор, Институт философии и права УрО РАН.

Рахшмир Павел Юхимович, д. и. н., профессор, Пермский государственный националь-
ный исследовательский университет.

Росс Камерон, д. ф. н., Университет Данди (Великобритания).

Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания).

Сморгунов Леонид Владимирович, д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государ-
ственный университет.

Фадеева Любовь Александровна, д. и. н., профессор, Пермский государственный наци-
ональный исследовательский университет.

Редактор – составитель номера П. В. Панов

© Редакционная коллегия, 2017

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Телин К. О., Полосин А. В.</i> Кризис государственной состоятельности: «способности» и перспективы	5
<i>Пахалюк К. А.</i> Первая мировая война в контексте культурного измерения внешней политики современной России	17
<i>Кузнецова А. В.</i> Национализм и революция: случай Мексики	33
<i>Кнурова В. А.</i> Информационные функции президента как политического лидера	46
<i>Гулина Е. В.</i> Обеспечение устойчивости региональной системы через балансный гомеостат на примере Центральной Азии	54
<i>Тузовский А. С.</i> GR-технологии в работе региональных торгово-промышленных палат	63

Политическая стабильность: вызовы и ответы

<i>Давыдов А. А.</i> Дезинтеграционная демократизация? Роль «продвижения демократии» в процессе дезинтеграции Ирака	73
<i>Порошин А. В.</i> Влияние конституционного дизайна на устойчивость однопартийного доминирования	87
<i>Исобчук М. В.</i> Партийные системы и стабильность этнофедерализма	98

Субнациональная политика

<i>Подвинцев О. Б.</i> «Переселенческие территории» в составе «национальных окраин»: противоречия субрегиональной структуры российских республик	108
<i>Шевцова И. К.</i> «Мы поможем – власть нам поможет»: патрон-клиентские отношения и контроль частных предприятий	116
<i>Михалева А. В.</i> К вопросу о соотношении этноконфессиональной и территориальной идентичностей у коми-пермяков Пермского края	134
<i>Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А., Ячменник К. В.</i> «Новые» сетевые акторы развития локальной политики в условиях современной России	150

Электоральная и партийная политика

<i>Любарев А. Е., Ковин В. С.</i> Исследование совмещенных выборов: политические партии на выборах 2016 г. в Пермском крае	164
<i>Тихонова Л. Е.</i> Позитивная и негативная электоральная активность граждан Российской Федерации на выборах 2013–2015 гг.	184
<i>Суманев И. А.</i> Эффективное число партий: случай Австрии	199
К сведению авторов	206

УДК-323:329

ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ДИЗАЙНА НА УСТОЙЧИВОСТЬ ОДНОПАРТИЙНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

А. В. Порошин¹

В статье автор рассматривает вопрос влияния конституционного дизайна на продолжительность функционирования однопартийного доминирования. В зависимости от порядка формирования власти проводится разделение режимов на две категории с точки зрения конституционного дизайна – парламентские и президентские. На основе изучения теоретических предпосылок о различиях между парламентаризмом и президентством выдвигается гипотеза о более длительной выживаемости режимов парламентского типа. В результате проведения однофакторного дисперсионного анализа выявляется отсутствие статистически значимых различий в сроке существования однопартийного доминирования между парламентскими и президентскими режимами.

Ключевые слова: доминантная партия; конституционный дизайн; парламентаризм; президентство.

В XX в. во многих странах получили распространение практики устойчивого электорального превосходства одних и тех же политических сил в результате цикла регулярных побед на выборах, проводившихся на альтернативной основе. Они описываются в терминах режима с доминантной партией и однопартийного доминирования, когда единственная политическая партия на протяжении длительного непрерывного промежутка времени играет ведущую роль в политическом процессе. Критерием здесь является характер функционирования политической конкуренции и сменяемости власти. На основе этого критерия могут быть выделены закрытые диктатуры (отсутствие соревновательных выборов), электоральный авторитаризм (соревновательные выборы и ограничение возможностей оппозиции) и демократия (соревновательные выборы и равенство власти и оппозиции). Отталкиваясь от этой типологии политических режимов, можно утверждать, что однопартийное доминирование может существовать в электоральном авторитаризме и демократии. Различия же между однопартийным доминированием в условиях электорального авторитаризма и демократии состоят в основаниях и механизмах его поддержания.

Феномен однопартийного доминирования во многом определяется наличием самой доминантной партии, которая вполне может считаться правящей в

¹ Порошин Александр Васильевич – аспирант Департамента политической науки, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: caunte@gmail.com.

© Порошин А. В., 2017

полном смысле этого слова, так как она играет «ведущую роль относительно доступа к большинству важнейших политических должностей» [21, 503]. Целью данного исследования выступает оценка связи типа конституционного дизайна и устойчивости однопартийного доминирования на основе метода однофакторного дисперсионного анализа.

Обзор исследовательского поля

Исследование режимов с доминантной партией получило развитие в рамках изучения авторитаризма [16]. Попытки проанализировать различные стороны феномена однопартийного доминирования предпринимались, например, такими авторами, как К. Грин [9; 10; 11; 12], Т. Пемпель [20], С. Хантингтон и К. Мур [13], А. Ариан и С. Барнс [3], Х. Гильом и Ч. Симкинс [8], Х. Темплеман [25]. Достаточно часто исследуются отдельные случаи однопартийного доминирования [5; 14; 15; 17].

В литературе сложилось несколько подходов к пониманию однопартийного доминирования. Одна группа исследователей предлагает в качестве главного критерия удержание правящей партией определённой доли голосов на выборах и / или мест в парламенте. При этом М. Дюверже [1, 377] и Т. Пемпель [20, 3] считают достаточным относительное большинство мест, Дж. Сартори [23, 195] и Ж. Блондель [4, 99–103] выдвигают требование абсолютного большинства, что предоставляет возможность самостоятельно контролировать правительство, Н. Ван ден Валле и К. Батлер [26, 25] рассматривают в качестве релевантного уровня 60 % мест, а Дж. Коулман [7, 295] – 70 %. Другой критерий – продолжительность удержания политической партией власти. Для К. Грина этот период составляет 3–4 электоральных цикла, или 20 лет [12, 12], для Дж. Сартори – победа на трех последовательных выборах [23, 260], а Т. Пемпель предлагает более абстрактную формулировку – «постоянное или полупостоянное правление» [20, 15].

Иным взглядом на однопартийное доминирование выступает анализ данного явления через систематический контроль над политической повесткой. Здесь отличительная черта режимов с доминантной партией состоит в сильном регулярном влиянии правящей партии на процесс принятия политических решений и её ключевой роли в разработке и реализации государственной политики [19, 4].

Роль доминантной партии в формировании правящей коалиции также может рассматриваться как критерий описания однопартийного доминирования. Здесь ключевым условием является способность доминантной партии сформировать, как минимум, ещё одну выигрышную коалицию, альтернативную существующей. Это более выгодное положение при переговорах может достигаться за счёт идеологической идентификации или размера партии. В данном случае доминантной партии не нужно иметь большинство мест для получения должностей в правительстве, но она должна быть незаменима в качестве участника любой правящей коалиции [6, 107].

Иногда однопартийное доминирование анализируется сквозь призму сильной идентификации доминантной партии с государством, что зачастую обеспечивает длительное пребывание этой партии у власти. В этой связи стоит упомянуть о рассматриваемой многими специалистами в основном применительно к авторитарным режимам роли доминантной партии как механизма координации элит. Здесь ключевым элементом описания выступает обеспечение устойчивости однопартийного доминирования за счёт привилегированного доступа к государственным ресурсам, используемого для распределения патронажа и создания значительного перевеса в ресурсах над оппозицией для обеспечения победы на выборах.

Несмотря на различия в подходах между разными исследователями, общая идея является одинаковой. В режимах с доминантной партией ее способность непрерывно удерживать власть в какой-то момент становится следствием чего-то более системного, чем просто успешной избирательной кампании или грамотного правления [19, 5]. К. Матлоза и Ш. Карьюм, к примеру, фокусируются на наличии среди всех партий одной, являющейся доминантной и занимающей ведущее место в рамках политической системы на протяжении достаточно длительного времени [18, 10].

Роль конституционного дизайна: теории и гипотеза

Как полагает Х. Темплеман [25, 161–169], характерное для режимов с доминантной партией могущество сильной и популярной правящей партии является более значимым в условиях парламентаризма и менее значимым в условиях президентства. Он выделяет несколько оснований для данного умозаключения.

Первое – влияние доминантной партии на результаты выборов. На президентских выборах для победы имеет значение не только партийная принадлежность кандидата, но и его личные качества и политические взгляды [2, 203]. При прямых выборах на высший политический пост достаточно большие шансы на победу могут иметь кандидаты, не обладающие сильной поддержкой со стороны тех или иных партий [22, 62–65]. Избиратели на таких выборах зачастую принимают решение о поддержке какого-либо кандидата, руководствуясь не столько прагматическими соображениями реализации узких интересов, например, интересов жителей своего города или региона, сколько основывают свой выбор на идеологической платформе кандидата и его личности. Таким образом, при президентстве первоочередную роль скорее играет личность самого кандидата, а не его партийная принадлежность. При парламентаризме, напротив, сильной организации правящей партии принадлежит более важная роль. В данном случае для завоевания власти партиям нужно отказаться от избрания одного своего представителя на высшую политическую должность, а самостоятельно или в составе коалиции получить большинство мест в парламенте. Для этого партиям необходимо располагать большим числом кандидатов, обладающих высокими шансами на прохождение в парламент. Здесь более богатая в ресурсном отношении правящая партия будет иметь очевидное преимущество над

своими противниками и аккумулировать в себе большинство политиков-прагматиков, чьей главной целью является успешная карьера в политической сфере и, в частности, получение государственных должностей [12, 5–6]. Ресурсно-богатые партии привлекают лучших, наиболее харизматичных, популярных и компетентных политиков [27]. В президентских же режимах у оппозиции более высокие шансы на победу, если она выдвинет одного популярного кандидата, который способен нивелировать преимущество инкумбента в поддержке со стороны правящей партии [24, 216].

Второе – идеологическая идентификация власти и оппозиции. В условиях президентства кандидаты на высший политический пост не столь сильно зависят от партий и имеют более высокую самостоятельность в определении собственной идеологической платформы и выборе позиции по различным вопросам. В отличие от премьер-министра в парламентских режимах президент в президентских режимах работает на своей должности в течение фиксированного срока, и его пребывание на посту не зависит от поддержки партии и доверия парламентского большинства. Поэтому кандидаты более свободны от необходимости следовать партийной позиции в формировании собственных политических предпочтений. Будучи заинтересованными в получении как можно более высокого результата, они будут сдвигать свои взгляды в сторону медианного избирателя, прежде всего, по тем вопросам, по которым их партия придерживается достаточно радикальных позиций [25, 170]. Следовательно, идеологическая идентификация кандидатов на президентских выборах в условиях президентства является более размытой по сравнению с позициями партий при парламентаризме. Это нивелирует преимущество доминантной партии в присущей ей большей идеологической гибкости и электоральной всеохватности [12] и формирует для оппозиции более благоприятные условия для победы на выборах. Кроме того, в парламентских режимах перспективы прихода оппозиции к власти дополнительно осложняются ещё и тем, что в случае, если ни одна из партий не набирает абсолютного большинства, достаточно далёкие от центристских позиций партии будут обладать небольшими шансами на вхождение в коалицию.

Третье – организация избирательной кампании. В условиях парламентаризма для достижения максимального результата на выборах необходимо как можно более грамотно распределить кандидатов в списках и по округам, распределить ресурсы и обеспечить успешное функционирование организационных процессов в рамках избирательной кампании. При парламентаризме оппозиционным партиям тяжелее решить данные проблемы, чем в условиях президентства. На парламентских выборах обычно проводится многосоставная избирательная кампания, включающая большое количество избирательных кампаний внутри одной, и выдвигается много кандидатов. В этой связи вопросы оптимального выдвижения кандидатов по округам и формирования списков, распределения ресурсов между кандидатами и округами, грамотного управления избирательной кампанией являются более проблематичными для оппозиции.

На основе всего вышесказанного можно выдвинуть гипотезу, состоящую в том, что парламентский тип конституционного дизайна способствует большей продолжительности однопартийного доминирования.

Переменные и данные

В рамках данной работы однопартийное доминирование может быть определено как длительное и непрерывное правление одной и той же политической силы в условиях конкуренции на выборах. Операционально это проявляется в сочетании двух признаков: (1) регулярное проведение выборов на альтернативной основе в высшие органы государственной власти на общенациональном уровне с участием более одной партии или кандидата; (2) непрерывное пребывание у власти в стране одной и той же политической силы на протяжении 15 лет и более или трёх и более электоральных циклов подряд.

Партия может считаться доминантной, когда её представитель занимает пост премьер-министра в парламентских режимах или пост президента в президентских режимах. При этом обладание абсолютным большинством мест в парламенте не является обязательным условием, в этой связи при парламентаризме доминантная партия может не быть крупнейшей в правящей коалиции, а при президентстве доминантная партия вообще не обладать большинством в парламенте ни самостоятельно, ни в составе коалиции.

Тип конституционного дизайна, в условиях которого функционирует политический режим с доминантной партией, определяется на основе того, в результате каких выборов формируется правительственная власть в стране и тем самым, какие выборы являются наиболее значимыми и решающими в контексте обеспечения продолжения или прекращения правления доминантной партии. Соответственно, переменная «тип конституционного дизайна» принимает значение «1» в случае, если режим является парламентским, и «2» в случае, если режим является президентским. Чтобы считаться правящей, в условиях парламентаризма партия должна иметь контроль над постом премьер-министра, а в условиях президентства – над постом президента.

Продолжительность однопартийного доминирования рассчитывается как длительность периода непрерывного удержания поста премьер-министра в парламентских режимах или поста президента в президентских режимах одной и той же политической силой. Срок однопартийного доминирования отсчитывается с момента начала контроля той или иной политической силы над постом премьер-министра в режимах парламентского типа или над постом президента в режимах президентского типа. Моментом завершения срока однопартийного доминирования выступает время прекращения контроля той или иной политической силы над постом премьер-министра при парламентаризме и над постом президента при президентстве.

Особо следует остановиться на вопросе о полупрезидентских режимах. Здесь идентификация партии как правящей или оппозиционной основывается на том, какая партия контролирует пост премьер-министра. Если премьер-министр

обычно является союзником президента, то этот режим скорее можно отнести к президентскому, чем к парламентскому. В этих условиях скорее президент, а не парламент оказывает основное влияние на формирование правительства. Если премьер-министр обычно является представителем крупнейшей партии в парламенте, то президент, так же, как и меньшинство в парламенте, является оппозицией, а правительство несёт основную ответственность перед партией или коалицией большинства. Такой режим скорее можно отнести к парламентскому, а не президентскому. Таким образом, измерение продолжительности однопартийного доминирования в случае полупрезидентского режима проводится на основе того, какая партия контролирует пост премьер-министра.

В отличие от исследования Х. Темплемана, в данной работе анализируются только завершившиеся случаи однопартийного доминирования. Обоснование данного выбора заключается в том, что в случае с продолжающимися существовать режимами с доминантной партией невозможно точно установить длительность их функционирования, так как она постоянно увеличивается. В силу этого обстоятельства представляется недостаточно корректным сравнение существующих режимов с доминантной партией, срок функционирования которых берётся на текущий момент и не является окончательным, с завершившимися случаями, срок функционирования которых является реальным и имеет точное историческое измерение с момента прихода доминантной партии к власти до момента окончания её пребывания у власти.

Таблица 1

Казусы, включённые в выборку

№	Страна	Партия	Конституционный дизайн	Период	Длительность, мес.
1	Австралия	ЛП/НАП	Парламентский	1949–1972	276
2	Австрия	СДП	Парламентский	1970–2000	358
3	Антигуа и Барбуда	ЛП	Парламентский	1981–2004	268
4	Бельгия	ХНП/ХСП	Парламентский	1974–1999	303
5	Буркина-Фасо	КДП	Президентский	1991–2014	274
6	Гайана	НПП	Парламентский	1992–2015	271
7	Гамбия	НПП	Президентский	1965–1994	353
8	Германия	ХДС/ХСС	Парламентский	1949–1969	241
9	Замбия	ДМД	Президентский	1991–2011	238
10	Израиль	МАПАЙ/ Маарах/Авода	Парламентский	1948–1977	349
11	Индия	ИНК	Парламентский	1947–1977	355
12	Италия	ХДП	Парламентский	1948–1981	398
13	Канада	ЛП	Парламентский	1935–1957	260
14	Лесото	ПКБ/ЛКД/ДК	Парламентский	1993–2012	230
15	Лихтенштейн (I)	ПГП	Парламентский	1945–1970	500
16	Лихтенштейн (II)	ПС	Парламентский	1978–1993	180
17	Люксембург (I)	ХСНП	Парламентский	1945–1974	344

Окончание табл. 1

№	Страна	Партия	Конституционный дизайн	Период	Длительность, мес.
18	Люксембург (II)	ХСНП	Парламентский	1979–2013	413
19	Малави	ЕДФ/ДПП	Президентский	1994–2014	240
20	Мексика	НРП/ПМР/ИРП	Президентский	1928–2000	864
21	Нигерия	НДП	Президентский	1999–2015	192
22	Парагвай	Колорадо	Президентский	1963–2008	546
23	Сенегал	СПС	Президентский	1978–2000	266
24	Сент-Китс и Невис	ЛП	Парламентский	1995–2015	235
25	Тринидад и Тобаго	ННД	Парламентский	1962–1986	292
26	Швеция	СДРПШ	Парламентский	1936–1976	481
27	Шри-Ланка	НА/ЕНАС	Президентский	1994–2015	242
28	ЮАР	НП	Парламентский	1948–1994	551
29	Япония	ЛДПЯ	Парламентский	1955–1993	452

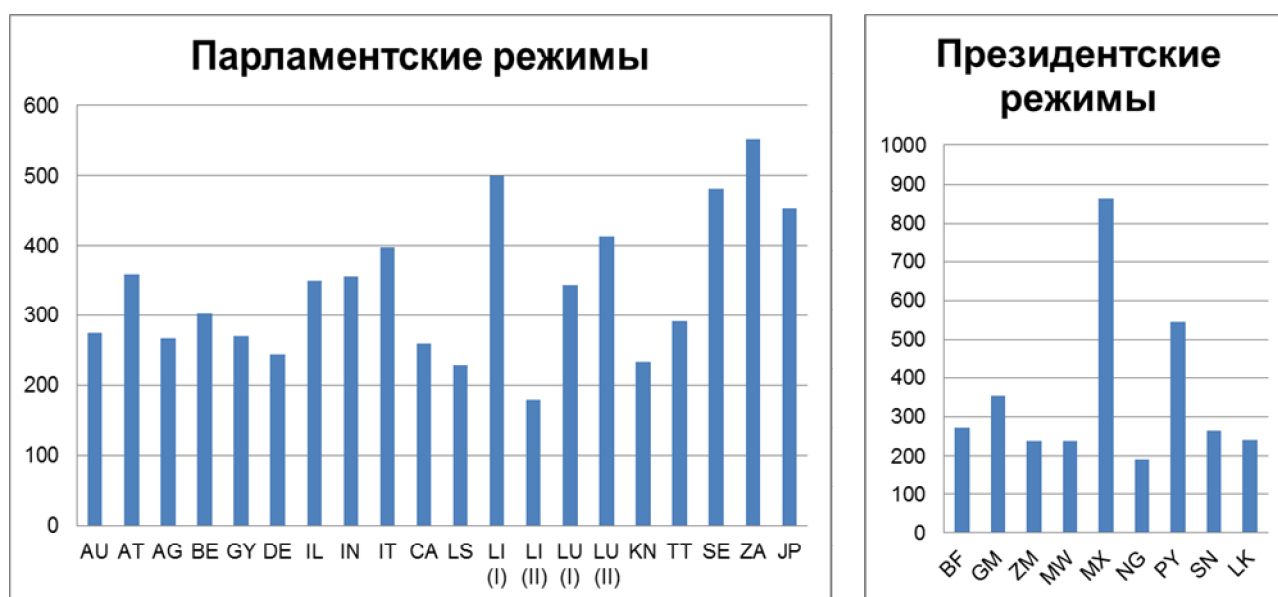

Рис. 1. Продолжительность однопартийного доминирования в парламентских и президентских режимах

Источник: Templeman К.А. The Origins and Decline of Dominant Party Systems: Taiwan's Transition in Comparative Perspective. Ann Arbor: University of Michigan, Unpublished Ph.D. dissertation, 2012; собственные расчёты.

Примечания: Австралия (AU), Австрия (AT), Антигуа и Барбуда (AG), Бельгия (BE), Гайана (GY), Германия (DE), Израиль (IL), Индия (IN), Италия (IT), Канада (CA), Лесото (LS), Лихтенштейн (LI), Люксембург (LU), Сент-Китс и Невис (KN), Тринидад и Тобаго (TT), Швеция (SE), Южно-Африканская Республика (ZA), Япония (JP), Буркина-Фасо (BF), Гамбия (GM), Замбия (ZM), Малави (MW), Мексика (MX), Нигерия (NG), Парагвай (PY), Сенегал (SN), Шри-Ланка (LK).

В работе анализируются все завершившиеся случаи однопартийного доминирования в странах до 2015 г. Всего в выборку включено 29 казусов в 27 странах, в Люксембурге и в Лихтенштейне два периода однопартийного доминирования учитываются как два отдельных случая (см. табл. 1 и рис. 1). Распределение случаев таково, что 20 казусов существовало в условиях парламентаризма, а 9 казусов – в условиях президентства. Устойчивость однопартийного доминирования операционализируется как продолжительность непрерывного удержания власти в стране одной и той же политической силой в месяцах.

Результаты анализа

На основе диаграммы рассеяния (рис. 2) можно сделать предположение, что однопартийное доминирование в условиях парламентаризма и президентства имеют в целом мало различающуюся продолжительность функционирования. Вместе с тем, для получения более точной и надёжной оценки различий в устойчивости между режимами с доминантной партией при президентстве и парламентаризме необходимо провести количественный анализ. В этой связи нужно использовать метод однофакторного дисперсионного анализа, который применяется для оценки зависимости непрерывной переменной от номинальной переменной. Его результаты представлены в табл. 2 (уровень значимости $\alpha = 0,05$).

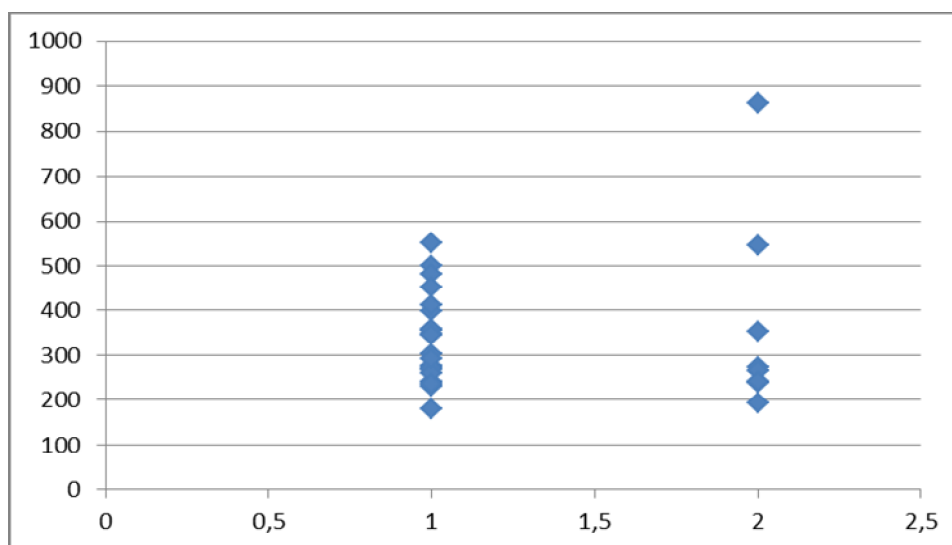

Рис. 2. Диаграмма рассеяния казусов

Таблица 2

Результаты однофакторного дисперсионного анализа

Источник вариации	SS	Df	MS	F	P-Значение	F критическое
Между группами	2329,343	1	2329,343	0,110204	0,742475056	4,210008
Внутри групп	570688,1	27	21136,6	–	–	–
Итого:	573017,4	28	–	–	–	–

Применение однофакторного дисперсионного анализа показало отсутствие статистически значимой связи между переменными типа конституционного дизайна и продолжительностью однопартийного доминирования. Критическое значение коэффициента F оказалось равным 4,210008, следовательно, критическая область коэффициента F больше 4,210008. Статистика F оказалась равной 0,110204. Таким образом, статистика F не попала в критическую область. Значение p оказалось равным 0,742475056. Следовательно, выдвинутая гипотеза не подтвердилась.

Полученные результаты могут объясняться недостаточным количеством завершившихся случаев однопартийного доминирования. Продолжающие существовать случаи в основном относятся к президентским режимам с доминантной партией. Поэтому по сравнению с исследованием Х. Темплемана анализ только завершившихся случаев заключался в большей степени в исключении из него президентских режимов с относительно небольшим сроком существования, учёт которых, вероятно, изменил бы результаты в сторону обнаружения различий в длительности функционирования между режимами парламентского и президентского типа. В дальнейшем представляется обоснованным исследовать наличие этой зависимости в более узких выборках казусов однопартийного доминирования. Одним из таких критериев может выступать поддержание однопартийного доминирования в условиях демократического или авторитарного политического режима.

Библиографический список

1. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2002. [*Duverger M. Political Parties. Moscow, 2002*].
2. Харитонова О.Г. Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука. 2012. № 3. С. 199–213. [*Kharitonova O.G. Presidentialism and Democracy: State of Discussion. Political Science. 2012. No. 3. P. 199–213*].
3. Arian A., Barnes S.H. The Dominant Party System: a Neglected Model of Democratic Stability. *The Journal of Democracy*. 1974. P. 592–614.
4. Blondel J. Comparing Political Systems. New York, Praeger, 1972.
5. Bogaards M. Counting Parties and Identifying Dominant Party System in Africa. *European Journal of Political Research*. 2004. P. 173–197.
6. Boucek F. Electoral and Parliamentary Aspects of Dominant Party Systems. (eds.) Pennings P., Lane J.E. *Comparing Party System Change*. London, Routledge, 1998. P. 95–115.
7. Coleman J.S. The Politics of Sub-Saharan Africa. Ed. by Almond G., Coleman J. *The Politics of the Developing Areas*. Princeton, Princeton University Press, 1960. P. 247–368.
8. Giliomee H., Simkins C. The Awkward Embrace: One-party Domination and Democracy. Amsterdam, Harwood Academic Publishers, 1999.

9. *Greene K.F.* Dominant Party Strategy and Democratization. *American Journal of Political Science*. 2008. P. 16–31.
10. *Greene K.F.* Opposition Party Strategy and Spatial Competition in Dominant Party Regimes: A Theory and the Case of Mexico. *Comparative Political Studies*. 2002. P. 755–783.
11. *Greene K.F.* The Political Economy of Single-Party Dominance. *Comparative Political Studies*. 2010. P. 1–27.
12. *Greene K.F.* Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization in Comparative Perspective. New York, Cambridge University Press, 2007.
13. *Huntington S.P., Moore C.* Authoritarian Politics in Modern Society: The Dynamics of Established One-party Systems. New York, Basic Books, 1968.
14. *Köllner P.* The Liberal Democratic Party at 50: Sources of Dominance and Change in the Koizumi Era. *Social Science Japan Journal*. 2006. P. 243–257.
15. *Kuenzi M., Lambright* Party Systems and Democratic Consolidation in Africa's Electoral Regimes. *Party Politics*. 2005. P. 423–446.
16. *Magaloni B.* Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. New York, Cambridge University Press, 2006.
17. Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America. S. Mainwaring, T. Scully (eds.). Stanford, Stanford University Press, 1995.
18. *Matlosa K., Karume S.* Ten Years of Democracy and the Dominant Party System in South Africa. *Election Update 2004: South Africa*.
19. *O'Leary B.* Britain's Japanese Question: "Is There a Dominant Party?" H. Margetts, G. Smyth (eds.) *Turning Japanese: Britain with a Permanent Party of Government*. London, Lawrence and Wishart, 1994. P. 3–8.
20. Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes. T.J. Pempel (eds.). Ithaca, Cornell University Press, 1990.
21. *Reuter O.J., Remington T.F.* Dominant Party Regimes and The Commitment Problem. The Case of United Russia. *Comparative Political Studies*. 2009. P. 501–526.
22. *Samuels D.J., Shugart M.S.* Presidents, Parties, and Prime Ministers: How the Separation of Powers Affects Party Organization and Behavior. New York, Cambridge University Press, 2010.
23. *Sartori G.* Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. New York, Cambridge University Press, 1976.
24. *Scheiner E.* Democracy without Competition in Japan: Opposition Failure in a One-Party Dominant State. New York, Cambridge University Press, 2006.
25. *Templeman K.A.* The Origins and Decline of Dominant Party Systems: Taiwan's Transition in Comparative Perspective. Ann Arbor, University of Michigan, Unpublished Ph.D. dissertation, 2012.
26. *Van de Walle N., Butler K.* Political Parties and Party Systems in Africa's Illiberal Democracies. *Cambridge Review of International Affairs*. 1999. P. 14–28.
27. *Zaller J.* Politicians as Prize Fighters: Electoral Selection and Incumbency Advantage. *1998 Annual Meeting of the American Political Science Association*. Boston, MA, 1998.

**INFLUENCE OF THE CONSTITUTIONAL DESIGN
ON LONGEVITY OF SINGLE-PARTY DOMINANCE**

A. V. Poroshin

Postgraduate student, Department of Political Science,
Faculty of Social Sciences,
National Research University Higher School of Economics

The article considers the question of the constitutional design influence on longevity of single-party dominance. Depending on the way the authorities are formed, regimes are divided into two categories – parliamentary and presidential. Based on studying theoretical prerequisites concerning differences between parliamentarism and presidentialism in terms of the influence of a dominant party on election results, ideological identification of power and opposition, complexities in organizing electoral campaigns, the author suggests a hypothesis that parliamentary regimes are more durable. However, one-way ANOVA test has shown no statistically significant differences between parliamentary and presidential regimes in durability of single-party dominance.

Keywords: dominant party; constitutional design; parliamentarism; presidentialism.